

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 7 СТАТЬИ
221 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА**

г. Ереван

9 ноября 2010г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна (докладчик), М. Топузяна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, В. Погосяна,

с участием заявителя – представителя Защитника прав человека Республики Армения А. Хачатряна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания РА – советника Председателя Национального Собрания РА Д. Мелконяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 11.06.2010г. обращение Защитника прав человека Республики Армения.

Изучив сообщение докладчика по делу, письменные объяснения сторон, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом РА 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года.

Оспариваемая часть 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА устанавливает:

“При необходимости опознание может производиться по фотоснимкам разных лиц, похожих на опознаваемого внешностью и одеждой”.

2. В обоснование своей позиции относительно антиконституционности оспариваемого положения заявитель отмечает, что Уголовно-процессуальный кодекс РА не раскрывает содержание закрепленного в оспариваемой норме словосочетания “при необходимости”.

Подобное правовое регулирование, согласно заявителю, создает условия для своевольного и расширенного толкования и применения оспариваемой нормы в правоприменительной практике. Ссылаясь на соответствующие правовые позиции Европейского суда по правам человека, заявитель считает, что оспариваемая правовая норма в части словосочетания “при необходимости” не соответствует принципу правовой определенности.

Заявитель, ссылаясь также на нормы, установленные частями 1 и 2 статьи 23 Конституции РА, приходит к заключению, что Уголовно-процессуальный кодекс РА не предусматривает до приобретения и использования фотоснимков разных похожих на опознаваемого лиц какой-либо процедуры получения согласия лиц, изображенных на этих фотоснимках, потому что в условиях отсутствия законодательного регулирования могут быть нарушены право на уважение личной жизни изображенных на фотоснимках лиц и направленные на его обеспечение гарантии, закрепленные Конституцией.

По утверждению заявителя, оспариваемое положение по вышеупомянутым обоснованиям противоречит частям 1 и 2 статьи 18 и частям 1 и 2 статьи 23 Конституции РА.

3. Ответчик, возражая против аргументов заявителя касательно противоречия части 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА частям 1 и 2 статьи 18 Конституции РА, находит, что часть 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА, закрепляющая право органа, осуществляющего производство по представлению на опознание по фотоснимкам, никоим образом не касается права на средства эффективной судебной защиты прав и свобод, а также их правовой защиты перед другими государственными органами или права защиты всеми не запрещенными законом способами, следовательно, вопрос ее соответствия статье 18 Конституции РА не может быть поднят.

Касательно противоречия части 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА частям 1 и 2 статьи 23 Конституции РА ответчик, ссылаясь на предусмотренные частью 2 статьи 23 Конституции РА гарантии, на Закон РА “О персональных данных” и, в частности, на установленные его статьей 6 основания законности обработки персональных данных, находит, что предусмотренное частью 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА опознание, произведенное с соблюдением установленного законом порядка, не нарушает гарантированную статьей 23 Конституции РА тайну личной жизни, так как возможность приобретения используемых в ходе опознания сведений предусмотрена законом, она преследует законную цель, и использование подобных сведений не противоречит цели их сбора.

По результатам изучения обращения ответчик считает также, что заявитель в основном оспаривает соответствие части 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА принципу правовой определенности, лежащему в основе статьи 1 Конституции РА. В связи с этим ответчик, ссылаясь на соответствующие правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда, находит, что часть 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА не может противоречить принципу правовой предсказуемости, так как она не предусматривает для участников судопроизводства, в частности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, право или возможность

проявления какого-либо поведения или воздержания от проявления какого-либо поведения.

Обращаясь к позиции заявителя, согласно которой “Кодекс не раскрывает содержание понятия “при необходимости”, ответчик, ссылаясь на закрепленное в части 2 статьи 227, части 4 статьи 233, части 2 статьи 242, части 3 статьи 253, части 3 статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РА словосочетание “при необходимости”, находит, что Уголовно-процессуальный кодекс РА, с одной стороны, подробно регулируя процессуальный порядок производства следственных действий, императивным образом запретил какое-либо отклонение от него, однако, с другой стороны, исходя из практических соображений, в рамках одного и того же регулирования предоставил органу, осуществляющему производство, дискреционную свободу.

4. Учитывая то обстоятельство, что установленное оспариваемой заявителем правовой нормой следственное действие **“предъявление для опознания лица по фотоснимкам”** является разновидностью установленного частью 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РА следственного действия **“предъявление для опознания лица”**, Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть оспариваемую правовую норму в контексте процессуальных норм Кодекса, касающихся правового регулирования следственного действия **“предъявление для опознания лица”**.

Правовое содержание следственного действия **“предъявление для опознания лица”** заключается в том, что посредством этого следственного действия выявляются идентичность, схожесть или отличие таких определенных признаков, как, например, внешность, голос, манеры лица, отраженных в сознании лиц, имеющих процессуальный статус опознающего, а именно свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, в результате зрительного восприятия или восприятия иным способом ранее произошедшего, признакам субъекта, предъявленного для опознания, в результате их мысленного сравнения. То есть в данном случае основной акцент делается на способности лица к психологическому восприятию. Согласно части 1 статьи 221 Кодекса до предъявления какого-либо лица для

опознания свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому следователь обязан допросить опознающего о внешности и приметах этого лица и об обстоятельствах, при которых он видел это лицо, что является одной из предпосылок законности проведения упомянутого следственного действия. В дополнение к вышеуказанному часть 6 статьи 221 Кодекса закрепляет предъявляемое сообщаемым, опознающим сведениям требование определенности и точности, согласно которому опознание не производится, а произведенное не может быть признано обоснованным, если опознающий указал такие признаки, которые ввиду своей неопределенности недостаточны для идентификации личности опознаваемого. Статья 221 Кодекса регулирует также процессуальную процедуру предъявления для опознания лица, устанавливая как последовательность действий, так и круг участников. Согласно части 1 статьи 224 Кодекса после предъявления для опознания составляется протокол, в котором, в числе прочего, указываются данные лиц, предъявленных для опознания, с подробным описанием признаков, по которым произведено опознание. Лица, участвовавшие в предъявлении для опознания, вправе требовать внесения своих замечаний в протокол.

Сопоставительный анализ вышеупомянутых правовых норм свидетельствует о том, что самым важным и по своему характеру **обязательным** условием осуществления являющегося предметом спора следственного действия является **наличие** такого имеющего соответствующий процессуальный статус **участника** уголовно-процессуальных отношений, **как опознаваемый**. То есть предъявление для опознания лица является четко **персонифицированным и адресованным следственным действием**, которое может осуществляться только при наличии субъекта, имеющего соответствующий процессуальный статус, и при его обязательном участии.

5. Законодатель считает возможным предъявление для опознания лица также по **фотоснимкам**, изображенные на которых лица должны по своим внешним признакам по мере возможности быть похожи на подлежащего опознанию субъекта. В то же время законодатель рассматривает как предварительное условие предъявления для опознания лица по фотоснимкам наличие соответствующей **“необходимости”**.

Конституционный Суд РА в своих Постановлениях ПКС-747, ПКС-780, и ПКС- 919 выразил правовую позицию о том, что употребленные в законах отдельные понятия не могут быть самодостаточными. Их содержание, круг характерных признаков уточняются не только в результате законотворческой деятельности, но и в судебной практике. Переутверждая эту правовую позицию, Конституционный Суд находит, что понятие “при необходимости” подлежит оценке: в каждом конкретном случае, исходя из конкретных обстоятельств, осуществляющий производство орган оценивает наличие необходимости.

На основании вышеупомянутого Конституционный Суд находит, что правовое содержание закрепленного в оспариваемой правовой норме словосочетания “при необходимости” должно толковаться **правоприменителем, принимая за исходную точку необходимость в силу различных фактических обстоятельств проверки в ходе расследования уголовного дела при невозможности предъявления соответствующего лица для опознания в общем порядке достоверности полученной относительно него информации.** Эта необходимость должна быть обоснована в надлежащей форме для недопущения своеволия.

6. Что касается вопроса заявителя о том, что Уголовно-процессуальный кодекс РА не устанавливает какой-либо правовой процедуры до приобретения и использования фотоснимков разных лиц, похожих на опознаваемого, получения согласия изображенных на этих фотоснимках лиц, то Конституционный Суд констатирует, что такой постановкой вопроса выдвигается проблема законодательного пробела, необусловленного правовым содержанием оспариваемого положения.

Конституционный Суд посредством правовых позиций, выраженных в его Постановлениях ПКС-864 и ПКС-914, сформулировал критерии, которые служат основанием для того, чтобы считать проблему пробела закона предметом рассмотрения Конституционного Суда. В частности, в Постановлении ПКС-864 закреплено: “... Конституционный Суд в рамках рассмотрения дела обращается к конституционности того или иного пробела закона, если правовая неопределенность, обусловленная содержанием оспариваемой нормы, в правоприменительной практике приводит к такому толкованию и применению данной нормы, которое **нарушает или может**

нарушить конкретное конституционное право". В постановлении ПКС-914 закреплено: "... законодательный пробел может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда только в том случае, **когда в законодательстве нет иных правовых гарантий исполнения этого пробела** или при наличии в законодательстве соответствующих правовых гарантий сформирована противоречивая правоприменительная практика, когда существующий законодательный пробел не обеспечивает возможность реализации того или иного права".

Принимая за основание указанные правовые позиции, Конституционный Суд считает необходимым выяснить наличие правовых гарантий, которые позволяют в ходе выполнения являющихся предметом спора следственных действий обеспечивать уважение гарантированного статьей 23 Конституции РА права лица на неприкосновенность его личной жизни.

7. 8 октября 2002 года Национальным Собранием РА был принят и 14 февраля 2003 года вступил в силу Закон РА "О персональных данных", предметом регулирования которого являются отношения, связанные с обработкой государственными органами и органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями, юридическими или физическими лицами персональных данных.

Согласно первому абзацу статьи 3 упомянутого Закона **персональными данными** являются любые данные о фактах, случаях, обстоятельствах, относящиеся к физическому лицу, в таком виде, который дает или может дать возможность идентифицировать личность индивидуума. Второй абзац той же статьи устанавливает, что **обработкой персональных данных** считается любое действие или группа действий, связанных со сбором, внесением, систематизацией, преобразованием, передачей, хранением, исправлением, закрытием, уничтожением и использованием персональных данных. Согласно четвертому абзацу той же статьи **субъектом данных** считается физическое лицо, к которому относятся персональные данные.

В результате анализа вышеупомянутых норм Конституционный Суд находит, что **фотоснимок** лица является **источником персональных данных**, позволяющих идентифицировать его личность, а **фотосъемка** лица

– **сбором** персональных данных о нем и, с этой точки зрения, – составной частью всего процесса обработки персональных данных.

Часть 1 статьи 6 Закона РА “О персональных данных” в качестве **предусловия законности** обработки персональных данных, в числе прочего, закрепляет требование обработки персональных данных с согласия субъекта данных. Часть 2 упомянутой статьи, регламентируя **правовую процедуру получения согласия субъекта данных**, закрепляет, что согласием субъекта данных на обработку персональных данных является однозначное, добровольное разрешение, выраженное в любой форме. Субъект данных может в любой момент в письменной форме отозвать согласие. Отзыв согласия обратной силы не имеет.

По результатам анализа Закона РА “О персональных данных” Конституционный Суд находит, что законодательство РА, в частности нормы Закона РА “О персональных данных”, в условиях законодательного пробела, на который ссылается заявитель, обеспечивают наличие правовых гарантий, которые позволяют в ходе производства следственного действия, являющегося предметом спора, обеспечивать уважение гарантированного статьей 23 Конституции РА права лица на неприкосновенность его личной жизни.

Одновременно Конституционный Суд находит, что в соответствии с требованиями статьи 18 Конституции РА законодательством гарантирована также правовая защита лица, в том числе возможность реализации права судебной защиты во всех случаях, когда фотоснимки были получены без согласия изображенных на них лиц.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 7 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента провозглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

9 ноября 2010 года
ПКС-923

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного Суда Республики Армения